

АТОМЫ ЖИЗНИ.

*Ἰδοὺ, μυστήριον ὑμῖν λέγω πάντες μὲν οὖν
ζοιῦμεθα, πάντες δὲ ἀλλαγόμεθα, ἐν
ἐπιπέδῳ, ἐν ὀφθαλμοῦ. I Κορ. XV, 51–52.*

Существуют вопросы, относящиеся къ глубочайшимъ загадкамъ человѣческой природы, къ которымъ до сихъ поръ приходилось, въ области религiи, прилагать лишь масштабы вѣры и священнаго ученiя Церкви; и лишь въ настоящее время сюда какъ будто начинаютъ пробиваться какiе-то еще незрѣлыя и неясныя звуки и со стороны науки.

Сталкивавшаяся съ этими вопросами, мало популярная отрасль богословскихъ наукъ—естественно-научная апологетика—еще и теперь занимаетъ главнымъ образомъ оборонительную позицiю, стремясь усиленно защитить коренныя истины религiи отъ натиска все болѣе и болѣе атеистическаго рационализма. Впрочемъ иногда она переходитъ и въ наступательную, и часто даже излишне горячую полемику, но тутъ уже, обыкновенно, или напрасно тратитъ свою энергiю, болѣе смѣло, чѣмъ основательно, обрушиваясь на науку, или же ожесточенно сражается противъ того, что и такъ уже отживаетъ. Къ первому приему апологетики относятся упреки наукѣ въ пресловутомъ ея „банкротствѣ“, истинная оцѣнка котораго, впрочемъ, часто является для апологетовъ непосильной задачей, благодаря отсутствию у нихъ достаточной для этого естественно-научной подготовки. Во второмъ-же случаѣ дѣло исчерпывается почти исключительно долготѣнимъ уже опроверженiемъ все одной и той-же „теорiи Дарвина“, еще и до сихъ поръ сильно волнующей простосердечныхъ защитниковъ вѣры, несмотря на то, что напр.

уже лѣтъ около 20-ти назадъ одинъ изъ виднѣйшихъ біологовъ современности полагалъ, что „входить въ разсмотрѣніе претензій опровергнутой, такъ называемой Дарвиновой теоріи, было-бы оскорбленіемъ читателя“. Можетъ быть, впрочемъ, это звучитъ и нѣсколько смѣло, но во всякомъ случаѣ весьма характерно для современнаго, все болѣе и болѣе укореняющагося научнаго взгляда на гипотезу Дарвина какъ лишь на болѣе или менѣе остроумную схему, черезчуръ далекую отъ абсолютной истинности ¹⁾.

Только что указаннымъ направлениемъ дѣятельности естественно-научной апологетики, конечно, и объясняется чрезвычайная чахласть этой богословско-научной дисциплины, на которую, къ сожалѣнію, кромѣ того, обращается еще и очень мало вниманія въ русской духовной школѣ. А между тѣмъ въ далекое, золотое время христіанства, работою именно въ этой области не пренебрегали и великіе учителя Церкви, вооруженные, по тому времени, всеми доступными имъ естественно-научными свѣдѣніями, столь излюбленными среди богослововъ оригеновскаго направленія. Стоитъ лишь вспомнить, кромѣ самого Оригена, хотя-бы лишь двухъ братьевъ-каппадокійцевъ: св. Василія Великаго съ его Шестодневомъ и св. Григорія Нисскаго съ его удивительными идеями о воскресеніи плоти, не говоря уже о величинахъ менѣе крупныхъ, вродѣ Немезія, или св. Меводія Патарскаго.

Прочитывая внимательно то, что дошло до насъ отъ этихъ великихъ апологетовъ, чрезъ всю трудность пониманія для насъ, отдѣленныхъ отъ нихъ вѣками, подлиннаго текста ихъ твореній, трактующихъ о вопросахъ современнаго имъ естествознанія, нельзя не удивляться замѣчательной приспособленности ихъ къ самому *методу* тогдашней науки. Дialeктическіе гениі Платона и Аристотеля предносятся воображенію естественно-научныхъ апологетовъ того времени и сообщаютъ ихъ писаніямъ почти неопровержимую для умовъ той эпохи убѣдительность. Вѣдь не даромъ-же Аристотелю было суждено и на протяженіи долгихъ, послѣдующихъ вѣковъ стать въ ряды христіанскихъ авторитетовъ, занять мѣсто въ ихъ сонмѣ даже на старыхъ церковныхъ фрескахъ.

¹⁾ Н. Driesch. Biologie, 1893, S. 31. Цитирую по статьѣ Карпова: Витализмъ и задачи научной біологіи въ вопросѣ о жизни („Вопр. фил. ж. нѣтх.“ 1909, кя. III (98), стр. 350.

Громадное значеніе во многомъ не потерявшихъ интереса и для нашего времени, апологетическихъ твореній эпохи расцвѣта богословской мысли обусловливается не чѣмъ инымъ, какъ именно примѣненіемъ ихъ авторами, въ спорахъ съ наукой, ея собственнаго метода, ея собственнаго, а слѣдовательно и наиболѣе опаснаго для нея же самой оружія. Тогда этимъ оружіемъ былъ діалектическій методъ—теперь таковымъ является могучій механизмъ такъ называемыхъ „рабочихъ гипотезъ“.

Современная наука признаетъ такія гипотезы не только вполне законными и допустимыми при попыткахъ разъясненія наиболѣе темныхъ вопросовъ естествознанія, но даже относятся снисходительно и къ ихъ, подчасъ, фантастичности, лишь-бы наибольшее число фактовъ охватывалось ими и объяснялось съ наименьшей затратой умственной энергіи; лишь-бы мысль побуждалась къ дальнѣйшей, плодотворной работѣ. Всякая попытка въ такомъ родѣ, если даже она, впоследствии, и не оправдается, все-таки, при условіи по возможности строго логическаго ея построенія, можетъ оказать по крайней мѣрѣ ту услугу, что толкнетъ мысль на новый путь, откроетъ хотя-бы мгновенный, мимолетный просвѣтъ на новые, еще невѣдомые горизонты. Эта терпимость, это благосклонное отношеніе ко всякой серьезной и вдумчивой работѣ мысли являются драгоцѣннѣйшимъ идейнымъ завоеваніемъ въ области научнаго и философскаго мышленія современности, и они-же сообщаютъ научной работѣ ту живость, ту одухотворенность, которая втягиваетъ въ область научныхъ интересовъ, самые широкіе и разнообразные круги общества.

Можно смѣло утверждать, что и въ области религіи,—но здѣсь уже, конечно, на незыблемомъ фундаментѣ вѣры и Откровенія,—было-бы не менѣе полезно попытаться стать на ту-же почву, допустивъ и здѣсь возможность возникновенія тѣхъ или иныхъ, скромныхъ попытокъ сблизить масштабы разума съ интуиціями вѣры. Конечно, здѣсь уже критеріумомъ пригодности и допустимости гипотезъ должна быть строжайшая согласованность ихъ съ тѣмъ, что всякая религія, а въ частности религія христіанская, считаетъ своими извѣчными истинами, своими незыблемыми догматами. Лишь такимъ путемъ возможно безпристрастное и спокойное сближеніе истинъ вѣры и науки; лишь широкое при-

мѣненіе въ религіозной апологетикѣ методовъ самой науки можетъ способствовать къ устраненію презрительнаго равнодушія со стороны атеистическаго знанія, да и самимъ вѣрующимъ внушить интересъ и уваженіе къ естественно-научной апологетической работѣ, остающейся до сихъ поръ въ тѣни, среди богословскихъ наукъ. Тогда только и можно будетъ надѣяться, что апологетическіе труды заинтересуютъ истинныхъ представителей науки, а въ богословской средѣ будутъ прочитываться со сколько нибудь серьезнымъ довѣріемъ.

Для этого не понадобится, кому-же, какой нибудь исключительной, естественно - научной подготовки апологетовъ, такъ какъ она можетъ имѣть общій, скорѣе философскій характеръ, безъ недоступнаго, здѣсь, изученія огромнаго числа деталей и подробностей. И именно современная наука, съ ея стремленіемъ къ философскимъ обобщеніямъ даетъ, въ этомъ направленіи, богатый матеріалъ, думается, даже болѣе доступный богословамъ, какъ людямъ лучше подготовленнымъ къ воспріятію общихъ, натуръ - философскихъ построеній, чѣмъ большинство современныхъ спеціалистовъ-естествоиспытателей. Кромѣ того именно такъ естественно - научная апологетика могла-бы вступитъ на новый, болѣе жизненный путь, отказавшись, наконецъ, отъ уже достаточно использованной позиціи рѣзкихъ обличеній и ненужныхъ опроверженій и занявшись, вмѣсто этого, совместно съ наукой, но лишь подходя съ иной стороны, изученіемъ самыхъ таинственныхъ и загадочныхъ явленій челоувѣческой природы. Надо-ли говорить еще и о томъ, что именно въ области вѣры и религіи встрѣчаются наиболѣе волнующія тайны—такъ отчего бы и не попробовать подойти къ нимъ, а быть можетъ и *подвести* къ нимъ науку, не только со стороны чуждаго ей, религіознаго созерцанія, но и спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія?

Съ такой точки зрѣнія мнѣ и хотѣлось бы теперь, намѣтить, пока лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, тотъ путь, всецѣло подсказываемый современной наукой, которымъ можно было-бы пролить нѣкоторый свѣтъ на сущность одного изъ наиболѣе трудно усвояемыхъ вѣрованій христіанства, именно чаемаго воскресенія плоти въ „жизнь будущаго вѣка“. Именно на это наталкиваютъ, какъ я постараюсь показать,

нѣкоторые выводы новѣйшей науки о жизни, совершенно неожиданно и странно сближающіеся съ взглядами, высказывавшимися еще въ IV вѣкѣ однимъ изъ своеобразнѣйшихъ богослововъ-мыслителей того времени—уже упомянутымъ мною, св. Григоріемъ Нисскимъ.

Такое сближеніе интересно уже по одному тому, что даетъ возможность, опираясь на авторитетъ святого учителя Церкви, попытаться создать нѣкую, такъ сказать „богословскую“ гипотезу, относящуюся, конечно, отнюдь не къ существу твердо установленнаго религіознаго догмата, а лишь къ его болѣе или менѣе вѣроятному и удобопонятному освѣщенію со стороны его теоретической схемы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если-бы удалось установить хотя-бы лишь приближительную справедливость космическаго акта, явно превосвѣчивающаго черезъ мистическія одежды религіознаго догмата о воскресеніи плоти, то это могло-бы открыть увлекательную перспективу стройнаго развитія цѣлой системы, уясняющей многое изъ самыхъ неясныхъ сторонъ жизни человѣческаго тѣла и духа. Но, въ предѣлахъ настоящей статьи я могу конечно указать на это лишь вскользь, сосредоточивъ все вниманіе главнымъ образомъ на обоснованіи пріемлимости возникающей гипотезы, навѣянной идеями св. Григорія, прозрѣвшаго своимъ духовнымъ окомъ, почти за два тысячелѣтія, то, что только теперь начинаетъ брезжить въ современномъ научномъ сознаніи.

I.

Вѣрованіе въ таинственное преображеніе, воскресеніе плоти для новой, болѣе совершенной жизни, въ переходъ отъ „тлѣнія“ къ „нетлѣнію“, присуще всѣмъ религіямъ Востока, включая сюда и еще не совсѣмъ ясныя эсхатологическія чаянія ветхозавѣтныхъ евреевъ, переходяція, затѣмъ, у христіанъ, уже во вполне опредѣленный догматъ. Это вѣрованіе, совершенно чуждое Западу и, въ свое время, глубоко его удивлявшее, вноситъ въ умственный обиходъ человѣчества позднѣйшихъ, христіанскихъ эпохъ нѣчто новое, въ чемъ уже очень рано начинается чувствоваться какая-то связь съ самымъ ядромъ жизни.

Въ посланіяхъ ап. Павла ²⁾, мистическій актъ воскресенія плоти обрисовывается со всею доступною, здѣсь, опредѣленностью, а замѣчательное мѣсто изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, взятое мною эпиграфомъ настоящей статьи, содержитъ даже и прямое указаніе на то, гдѣ слѣдуетъ искать ключъ къ таинственному догмату. Въ самомъ дѣлѣ: не съ большимъ ли правомъ слова „*ἐν ἁτόμῳ*“, можно перевести въ смыслѣ термина, хорошо извѣстнаго, еще со временъ Демокрита и Эпикура, чѣмъ черезъ „вскорѣ“, или „вдругъ“, являющіеся, по самому смыслу, излишними, придальнѣйшемъ поясненіи: „въ мгновеніе ока“? Невольно приходитъ мысль о томъ, что многозначительное „*ἐν ἁτόμῳ*“ поставлено не напрасно, но вводитъ насъ въ глубины самаго субстрата всего сущаго, въ глубинѣ той матеріи (*ὕλη*), безъ которой люди тогдашняго вѣка не могли представить міра, да едва-ли, несмотря на всѣ наши ухищренія, представляемъ его себѣ и мы.

У писателей позднѣйшаго, апологетическаго періода христіанства тоже встрѣчаются болѣе или менѣе ясно выраженные намеки на измѣненіе самыхъ глубинъ матеріи при грядущемъ, всеобщемъ воскресеніи. Такъ уже въ трактатѣ Аѳинагора „О воскресеніи мертвыхъ“ мы находимъ мысль о томъ, что по разрушеніи тѣлъ, ихъ совершенно неуловимыя для людей (*παρ' ἀνθρώποις ἀδιάκριτον*) частицы соединяются со сродными имъ „стихіями“ вселенной ³⁾, а затѣмъ опять, нѣкогда, стекутся „дабы занять прежнее мѣсто, составить то-яко тѣло и дать новую жизнь тому, что умерло и совершенно разложилось (*πάντη διαλυθέντος*) ⁴⁾.

При объясненіи предполагаемаго имъ факта, Аѳинагоръ, однако, еще не идетъ дальше простого утвержденія, что все это произойдетъ актомъ премудрости и силы Того, Кто снабдилъ всякое живое существо свойственными ему силами. Но зато, далѣе высказывается новая, глубокая мысль о томъ, что истинный человѣкъ, какъ состоящій изъ тѣла и души, не можетъ существовать иначе какъ во плоти или

²⁾ Рим. гл. VIII; I Кор. гл. XV; I Тим. гл. IV и пр.

³⁾ См. *Преображенскій*, Сочиненія древнихъ христіанск. апологетовъ, 1867, стр. 126 (*Migne, Patr. gr., t. 6, col. 977—980*).

⁴⁾ *Преобр.*, стр. 135: *Migne, col. 989 B: τὴν αὐτὴν ἕσπε χρόνον πρὸς τὴν αὐτὴν ἀόριστος ἐμπορεύει τε καὶ ἀπέσσει.*

грубо-чувственной въ этой жизни, или въ преображенной и измѣненной—въ жизни будущаго вѣка (гл. 15—25). „Человѣкъ не есть уже человѣкъ, когда тѣло разрушилось или совершенно уничтожилось, хотя-бы душа и продолжала существовать сама по себѣ“—заключаетъ Афинагоръ ⁵⁾. Такимъ образомъ устанавливается своеобразная, неотдѣлимая отъ человѣческаго существа матеріальность, лишь измѣняющая форму своего бытія при переходѣ отъ „тлѣнія“ къ „нетлѣнію“.

Оригенъ, со своимъ страннымъ ученіемъ объ *одинаковости* возставшихъ тѣлъ между собою, ⁶⁾ сталъ въ противорѣчіе съ общепринятыми взглядами Церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ впервые высказалъ идею о сохраненіи каждымъ человѣкомъ, и по воскресеніи, присущаго ему индивидуальнаго *типа* (*schema*) ⁷⁾, облекающагося въ болѣе совершенную форму преображеннаго воскресеніемъ (по Оригену—духовнаго) тѣла. Кромѣ того Оригену-же принадлежитъ и мысль о существованіи особаго жизненнаго начала (*ratio*) какъ-бы сдерживающаго субстанцію тѣла въ присущей ему формѣ ⁸⁾. Это начало, сохраняющееся послѣ смерти и разложенія, и вновь воздвигающее плоть при ея воскресеніи, очень напоминаетъ, въ общемъ, *λόγος πνευματικός* стоиковъ, а у послѣдующихъ христіанскихъ мыслителей переходитъ уже во вполне определенное понятіе о нематеріальномъ жизненномъ „качествѣ“ (*qualitas, ποιότης*), съ которымъ мы еще не разъ встрѣтимся впоследствии.

Св. Меѳодій Патарскій, опровергая взгляды Оригена и отстаивая ученіе о *непрелѣтномъ* возстаніи въ тѣлѣ „сотворенномъ прежде кожанныхъ одеждъ“ настоящей, грѣховной плоти, присоединяетъ сюда еще мнѣніе, что смертію

⁵⁾ *Преобр.*, стр. 161.; *Migne*, col. 1021 В: *μηδὲ συνεστάναι τὸν τοιοῦτον ἄνθρωπον, διαλυθέντος ἢ καὶ πύργῳ σκεδασθέντος τοῦ σώματος, καὶ ἢ πυρρῆ διαμῆνυ καὶ ἐαυτῆν.*

⁶⁾ См. *Оригенъ* О началахъ, кн. III, гл. 6, §§ 4 и 7 (Творенія Оригена, изд. Каз. Дух. Ак., 1899).

⁷⁾ „О началахъ“, кн. II, гл. X, § 2 (*Migne, Patr. gr.*, t. 11, col. 231).

⁸⁾ „О нач.“ *Ibid.*, § 3; *Migne*, col. 236:... *ratio ea quae substantiam continet corporalem, quamvis emortua fuerint corpora et corrupta atque dispersa, verbo tamen Dei ratio illa ipsa quae semper in substantia corporis est, erigat ea de terra, et restituat ac reparet.*

долженъ быть прежде всего умерщвленъ грѣхъ, „дабы такъ-кимъ образомъ, по истребленіи грѣха, возставъ чистымъ послѣ смерти, человѣкъ вкушалъ жизнь“ ⁹⁾.

Лишь въ концѣ IV вѣка, въ эпоху начала величайшаго расцвѣта христіанской мысли, въ сочиненіяхъ отчасти Немезія, а главнымъ образомъ—св. Григорія Нисскаго, мы встрѣчаемъ первыя попытки поставить таинственный вопросъ о воскресеніи плоти на почву доступнаго, здѣсь, реализма. Воспитанные на тонкой диалектикѣ Аристотеля, близкіе по мысли къ стойкамъ и къ мистическому реализму неоплатониковъ, хорошо, по тому времени, научно-образованные, христіанскіе писатели той эпохи, поощряемые, вдобавокъ, необходимостью примѣненія болѣе радикальныхъ приѣмовъ апологетики, старались подвести подъ наиболѣе трудный для языческаго пониманія вопросъ о воскресеніи плоти прочный не только мистическій, но и научный фундаментъ.

Уже въ несовсѣмъ ясномъ мѣстѣ II главы сочиненія Немезія „О природѣ человѣка“ есть указаніе на то, что при разрушеніи тѣла „качества“ его (*ποιότητες*) не погибаютъ, а *измѣняются*, т. е. что-то остается, хотя и въ необычномъ; иномъ видѣ ¹⁰⁾. Далѣе Немезій уже высказывается болѣе опредѣленно,—хотя и косвенно,—ссылаясь на мнѣніе извѣстнаго платоника—Ксенократа, полагавшаго, не безъ оттънка пифагорейскаго, что „душа различаетъ вещи между собою тѣмъ, что налагаетъ на каждую изъ нихъ *форму и отпечатокъ* (*μορφή καὶ τύπος*), отличаетъ одинъ видъ отъ другого и обнаруживаетъ ихъ различіе какъ несходствомъ формъ, такъ и величиной числа“ (числовыхъ отношеній въ пифагорейскомъ смыслѣ) ¹¹⁾.

⁹⁾ См. „О воскресеніи“, гл. XIX (Полн. собр. твореній св. Меодія, перев. проф. В. Ловягина, 1905, стр. 216—217).

¹⁰⁾ См. Немезій, еп. Емесскій, О природѣ человѣка, перев. Владимірскаго, 1905, гл. II, стр. 46.; *Migne, Patr. gr. t. 40, col. 549 A: Αἱ ποιότητες... ἔν τε τῇ φθορῇ καὶ τῇ γενέσει συναλλοιοῦμενα τῷ σὐβαστι*. Кажется-бы, что это можно истолковать въ томъ смыслѣ, что *тѣло* какъ-бы запечатлѣваетъ въ „качествахъ“ нѣкое характерное измѣненіе, какъ-бы отмѣчаетъ ихъ къ вѣчу принадлежность.

¹¹⁾ „О прир. чел.“, гл. II, стр. 57; *Migne, col. 569A: τῇ ἐτερότητι τῶν ἰδῶν καὶ τῷ πλήθει τοῦ ἀριθμοῦ*. Уже въ этомъ ясно чувствуется стремленіе

Наконецъ св. Григорій Нисскій, современникъ Немезія, н отчасти сходный съ нимъ по сущности своихъ научныхъ взглядовъ, выступаетъ уже совершенно опредѣленно со своей гипотезой о настолько тѣсной связи души и тѣла, что они взаимно какъ-бы налагаютъ другъ на друга знаки, подобные печати и ея оттиску (*σφραγίς*), не исчезающіе ни при какихъ перемѣнахъ тѣла. Даже смерть, разлучая его съ душою, не нарушаетъ таинственной связи между ею и элементами плоти, хотя-бы и совершенно разложенной тлѣніемъ, „такъ какъ“, говоритъ св. Григорій, „чувственное разлагается, но не уничтожается: ибо уничтоженіе есть превращеніи въ ничто, а разложеніе есть разрѣшеніе (*διάλυσις*) опять на тѣ стихіи, изъ которыхъ вещь составилаь“¹²⁾. И такъ-же какъ къ данному, индивидуально-единственному во всей вселенной оттиску совершенно точно подойдетъ лишь *одна*, и только одна, оттиснувшая его печать, такъ и въ день всеобщаго воскресенія необходимо сойдутся „первоначицы“ умершихъ и разрушенныхъ тѣлъ, разсѣяныя всюду, по отмѣченныя неизгладимымъ знакомъ души.

Эта мысль занимаетъ центральное мѣсто въ ученіи св. Григорія Нисскаго о воскресеніи плоти. Прослѣдимъ, теперь хотя бы въ общихъ чертахъ генезисъ этой мысли и ея преемственную зависимость отъ другихъ взглядовъ св. Григорія на сущность человѣческой природы¹³⁾.

Психическою сущностью человѣка св. Григорій считаетъ мыслящее начало души (*τὸ λογικὸν τῆς ψυχῆς*), или умъ (*νοῦς*), т. е. нѣчто вполне нематеріальное и *непротяженное* (*μη τὴν εἰς τρία διάστασιν*), но лишь умопостигаемое (*νοητόν*)¹⁴⁾. Такимъ

связать, взаимно, душу и тѣло, какъ носителя извѣстнаго, присущаго ему типа (*εἶδος*).

¹²⁾ См Творенія св. Григорія Нисскаго, изд. Моск. Дух. Акад. 1862: т. 4, стр. 30 (Большое огласительное слово, гл. 8) *Migne* t. 45, col. 33 D. *Λέγεται δὲ τὸ αἰσθητόν, ὅτι ἀφανίζεται. Ἀφανισμὸς μὲν γὰρ ἐστίν, ἢ εἰς τὸ μὴ ὂν μεταχώρησις: λύσις δὲ ἢ τὰ εἰς τοῦ κόσμου στοιχεῖα πάλιν, ἀφ' ὧν τὴν οὐσίαν ἔσχευ, διάλυσις.*

¹³⁾ Общія антропологическіе взгляды св. Григорія Нисскаго обстоятельно изложены въ книгѣ *Мартынова*: „Ученіе св. Григорія, еп. Нисскаго о природѣ человѣка“, а также у *Hilt*, *Des hl. Gregor v. Nyssa Lehre v. Menschen*.

¹⁴⁾ Твор., т. 4, стр. 223 (Диалогъ „О душѣ и воскресеніи“): *Migne*, t. 46, col. 40C.

образомъ душа есть чистая, безтѣлесная субстанція, проявляющаяся, прежде всего, въ свойственной живому тѣлу *чувствительности* (*αἰσθησις*)¹⁵⁾, которая и является показателемъ наличности единенія души и тѣла, безъ чего нѣтъ *физическаго бытія* ни въ нашей земной жизни, ни до воскресенія.

Объектомъ воздѣйствія души, возбуждающей въ немъ чувствительность, служитъ тѣло, глубочайшею основой котораго тоже является нѣкоторая сверхчувственная субстанція, состоящая изъ первичныхъ элементовъ, созданныхъ въ началѣ міротворенія и представляющихъ собою вполне реальныя, но безтѣлесныя и лишь умопостигаемыя (*νοητά*) сущности. Лишь извѣстная ихъ *взаимная комбинація* (*συνδρομή*) образуетъ тѣло и сообщаетъ ему чувственно воспринимаемый, матеріальный видъ¹⁶⁾.

Такое воззрѣніе на переходъ отъ сверхчувственного къ чувственному очень сходно съ неоплатоническимъ¹⁷⁾, но для насъ оно является особенно интереснымъ потому, что именно въ первичныхъ элементахъ (*ποιότητες*) св. Григорія легко усмотрѣть очень близкое сходство съ жизненными первоэлементами современнаго, возрожденнаго витализма. Неоплатоникамъ-же слѣдуетъ св. Григорій и тогда, когда объясняетъ взаимодействіе души и тѣла, т. е. двухъ, въ коренной сущности своей, лишь умопостигаемыхъ субстанцій по аналогіи музыканта (душа) и лиры (тѣло), полагая, что душа, будучи совершенно самостоятельной и субъективной, лишь *пользуется* тѣломъ для своего выявленія во внѣшній, чувственный міръ, тогда какъ съ міромъ духовныхъ, къ

¹⁵⁾ Твор. т. 4, стр. 214; *Migne* t. 46. col 29 B: *Ψυχὴ ἐστίν... οὐσία ζωῶσα, νοερά, σῶματι ὀργανικῇ καὶ αἰσθητικῇ δυνάμει ζωτικῇ καὶ τῶν αἰσθητῶν ἀντικλητικῆν δι' ἐαυτῆς ἐπινοῶσα.*

¹⁶⁾ Твор., т. 4, стр. 296; *Migne*, col. 124, C: *ἡδέπωδ' ἀλλήλα συνδρομῇ τούτων καὶ ἐνωσις σῶμα γίνεται.* Ср. *ibid.*, t. 44. col. 77 D.

¹⁷⁾ Но, подобно неоплатонизму, св. Григорій не даетъ и отвѣта на то: какимъ образомъ сходстве во единѣ сверхчувственныхъ „качествъ“ создается чувственное тѣло. „Это“, говоритъ онъ. „уже вѣдъ подлежащаго изслѣдованія“ (Твор., т. 4, стр. 296). Ср. *Владиславлевъ*, *Философія Плотина*, основателя новоплатоновской школы, 1868, стр. 131 и 158. Но вѣдь и современная наука, стремясь все „создать“ изъ „не матеріальнаго“ электричества, тоже не даетъ объясненія какъ это можетъ быть.

которому она принадлежит по самой природѣ своей, она можетъ сноситься непосредственно, путемъ для насъ нецелюсообразнымъ.

Связь разумной души съ тѣломъ, т. е. съ его первичными элементами, не осуществляется, однако, какимъ-либо внѣшнимъ актомъ, но дѣйствующая душа какъ-бы пронизываетъ тѣло, срастворяясь съ его первоэлементами и входя съ ними въ тѣсное единеніе (*ἀνάκρασις*)¹⁸). При и этомъ-то происходитъ процессъ взаимнаго запечатлѣнія единымъ и вѣчнымъ типомъ (*εἶδος*)¹⁹). Самый-же типъ залагается въ чловѣка въ моментъ общаго и *единовременнаго* происхожденія стекающихся для образованія тѣла первоэлементовъ и соединяющейся съ ними души²⁰).

Такимъ образомъ св. Григорій вполне логично подходитъ къ уже указанной выше, своей идеѣ, реально обосновывающей воскресеніе плоти путемъ вторичнаго, посмертнаго стеченія (*συνδρομή*) и воссоединенія (*ἀνάκρασις*) взаимно запечатлѣнныхъ душъ и первичныхъ элементовъ (*ποιότητες*) тѣль. А уже однимъ тѣмъ, что душа не имѣетъ протяженія, сразу разрѣшается, кетати, и очень занимавшій, когда-то апологетовъ вопросъ о томъ: какимъ образомъ соединятся, при возстаніи плоти, разсѣянные по всему міру (*ἐν τοῖς τοῦ κόσμου στοιχείοις*), запечатлѣнные ея индивидуальностью частицы. Очевидно, что для внѣпространственнаго начала вопросъ о

¹⁸) Слово *ἡ κράσις* (смѣсь, смѣшеніе), какъ извѣстно, употреблялось первохристианскими богословами въ смыслъ механической смѣси, ближе, всего напоминающей растворъ. При этомъ сорастворенныя вещества полагаются не теряющими, каждый, своихъ индивидуальныхъ свойствъ. Чаще всего это пояснялось каплей вина, упавшей въ море, или архаическимъ примѣромъ „огня, пронизывающаго раскаленное желѣзо“.

¹⁹) Твор., т. 1, стр. 189 (Объ устр. чл. чловка, гл. 27); *Migne*, t. 44, col. 225 D: *Ἐοτήκε δὲ διὰ πάσης τροπῆς ἀμετάβλητον ἐφ' ἑαυτοῦ τὸ εἶδος, τῶν ἀπαξ ἐπιβληθέντων αὐτῷ παρὰ τῆς φύσεως σημείων οὐκ ἐξιστάμενον ἀλλὰ πάσαις ταῖς κατὰ τὸ σῶμα τροπαῖς μετὰ τῶν ἰδίων ἐμφαινόμενον ὑπορίσματος*. Обыкновенно, впрочемъ, слово *τὸ εἶδος* переводится черезъ русское сл. *видъ, форма*. Но по самому смыслу ученія св. Григорія, правильнѣе придать этому слову болѣе общее значеніе *типа*, какъ характеризующее не только поверхностное отличіе, но и весь индивидуальный образъ каждаго даннаго существа.

²⁰) Твор., т. 1, стр. 297; *Migne*, t. 46, col. 125 C: *Λέγεται οὖν μίαν καὶ τὴν αὐτὴν ψυχῆς τε καὶ σώματος ἀρχὴν τῆς οὐστάσεως οἶεσται*

разстояніяхъ является просто наивнымъ, ибо душа можетъ одинаково оживлять *единой* жизнью какъ частицы мельчайшей молекулы, такъ и элементы, раздѣленные между собой астрономическими разстояніями ²¹⁾.

Болѣе того: св. Григорій Нисскій даже полагаетъ, что душа „съ какими стихіями она соединена первоначально, въ тѣхъ пребываетъ и по разлученіи съ ними (*μετὰ τὴν παραμέειν*), какъ-бы поставленная стражемъ своей собственности, и по тонкости и удобоподвижности духовной силы (*ροσρὰ δὲραμς*), не оставляетъ своего, при раствореніи (*ἀτάκρσις*) его въ однородномъ (*διόφυλον*), не подвергается никакой ошибкѣ при раздробленіи его на мелкія части стихій (*ἐν τῇ λεπτομερίᾳ τῶν στοιχείων*), но проникаетъ свою собственность (*τὰ ἴδια*), смѣшанную съ однороднымъ, и не ослабѣваетъ въ силахъ пребывая съ нею, разливающейся во вселенной (*πρὸς τὸ πᾶν*), но *всегда остается (μένει) въ ея частицахъ, гдѣ-бы и какъ-бы не устроила ихъ природа*“ ²²⁾. Конечно это едва-ли можно понимать въ буквальномъ смыслѣ, но вѣрнѣе—въ смыслѣ *знанія* душою всѣхъ отдѣленныхъ отъ нея смертью первоэлементовъ тѣла, о чемъ говорить, нѣсколько ниже и самъ св. апологетъ ²³⁾. Знаніе же это обусловливается, по мысли св. Григорія именно положеніемъ на первоэлементы тѣла и души взаимныхъ знаковъ, подобныхъ печати и оттиску. „Въ душѣ, говоритъ св. Григорій, хранится какая-то связь съ сожителемъ—тѣломъ, знакомство съ нимъ *вслѣдствіе срастворенія (δια τῆς συστακράσεως)* со свойственнымъ, какъ-бы отъ какихъ-то положенныхъ природою знаковъ (*σημείων τιῶν*), по которымъ остается въ душѣ неслитное общеніе

²¹⁾ Ср Твор., т. 4, стр. 230: „Естество же духовное и непротяженное не терпитъ послѣдствій разстоянія“. Это особенно справедливо теперь, когда современными возрѣніями на сущности матеріи заполняется проласть между молекулой и вапр., туманностью Млечнаго Пути съ поперечникомъ въ 15000 свѣтовыхъ лѣтъ! См. *Фурнье Дальбъ*, Два новыхъ міра, 1911, ч. II.

²²⁾ Твор., т. 4, стр. 255 (О душѣ и воскресенія); *Migne*, t. 46, col. 76—77.

²³⁾ Твор., т. 4, стр. 262: „Если душа присутствуетъ въ стихіяхъ составившихъ тѣло (*ἐν τοῦ σώματος στοιχείοις*) и перемѣшавшихся во вселенной, то не только будетъ она *знать* совокупность (*πλήρομα*) стихій, какія были соединены въ тѣлѣ, но *не останется въ неизвѣстности* и особеннаго состава каждой части (*τῆν ἰδίαν ἐκάστην τῶν μερῶν σύστασιν*), именно-же изъ какихъ стихійныхъ частицъ (*τῶν ἐν τοῖς στοιχείοις μορίων*) состояли наши члены“. *Migne*, t. 46, col. 85A.

(*ἀσύγγυτος κοινότης*), отличающее свою собственность²⁴⁾. Другими словами, такъ какъ индивидуальный *типъ* (*εἶδος*) человѣка, подобно оттиску печати (*σφραγίς*) остается въ душѣ, то она знаетъ его, и при возстановленія плоти (*ἐν τῷ καιρῷ τῆς ἀναστυχειώσεως*) вновь его осуществить²⁵⁾. Считая-же, что таинственный процесс „наложенія знаковъ“ (сфрагидація) происходитъ какъ слѣдствіе взаимнаго срастворенія души и тѣла, св. Григорій не пытается проникнуть въ тайну египсальнаго осуществленія, относя его къ „нѣкому неизъяснимому влеченію природы“ и къ тайной (*κατὰ τὸ ληθές*) связи души и тѣла. Да, въ сущности, для его гипотезы столь недоступныя изслѣдованію подробности и не представляются необходимыми — важенъ лишь реальный фактъ ихъ осуществленія.

Съ естественно-научной точки зрѣнія, можно лишь предположить, что ареной таинственной „сфрагидаціи“, конечно не могутъ быть физико-химическіе элементы тѣла, но нѣчто болѣе глубокое и неизмѣняемое, лежащее внѣ границъ физическаго бытія той космической дѣйствительности, которая доступна нашему наблюденію и опыту. Но это не исключаетъ возможности попытки заглянуть въ эти таинственныя глубины при хотя-бы лишь гипотетическомъ свѣтѣ тѣхъ идей, что могучимъ потокомъ вливаются въ сознаніе современнаго человѣка изъ, по своему, не менѣе таинственныхъ безднъ болѣе доступной намъ, неорганизованной матеріи.

II.

Гаданія о сущности матеріи уже давно служатъ осью, около которой вращаются физико химическія теоріи новѣйшаго времени, получившія, въ послѣдней стадіи своего развитія, неожиданный и гигантскій толчекъ открытіями различныхъ таинственныхъ радіацій и невидимыхъ лучей. Въ результатъ этого явилась необходимость подвергнуть критическому пересмотру, казалось-бы, самые прочные законы о-

²⁴⁾ Твор., т. I, стр. 188 (Объ устр. чел., гл. 27); *Migne t. 41, col. 225B.*

²⁵⁾ Твор., т. I, стр. 190; *Migne t. 41, col. 228B:* ἀναγκαιώς τὸν εἶδος οἷον ἐκμαγίρ σφραγίδος τῇ ψυχῇ παραμέναντος, οὐδὲ τὰ ἐναπομαζάμενα τῇ σφραγίδι τὸν τύπον ὑπ' αὐτῆς ἀγροεῖται, ἀλλ' ἐν τῷ καιρῷ τῆς ἀναστυχειώσεως ἐκείνη δέχεται πάλιν πρὸς ἑαυτήν, ἅπερ ἂν ἐναρμόσῃ τῷ τύπῳ τοῦ εἶδους.

вѣчности матеріи и энергіи; вновь всплыли мечты объ единствѣ вещества и о давно забытыхъ, алхимическихъ надеждахъ на произвольныя его превращенія. Создались и новыя взгляды на сущность матеріи, которую попытались замѣнить энергіей и движеніемъ. Но не смотря на все это, по прежнему настойчиво удерживается человѣческимъ умомъ идея о первоэлементахъ матеріи, будь то неуловимая матеріальная частица, нематеріальное вихревое кольцо ээтра, или даже пустота въ этомъ гипотетическомъ матеріальномъ субстратѣ всего сущаго.

Уже осталась далеко позади еще столь недавно общепризнанная „недѣлимость“ атома, волею судебъ распавшагося на электроны, но зато возникла новая идея, стремящаяся удовлетворить непобѣдимому запросу ума о границахъ дѣлимости мыслимой лишь въ безпредѣльности. Идея эта есть предположеніе, о томъ что крайняя и „недѣлимая“ первочастица должна быть таковой уже не въ геометрическомъ и абстрактномъ, но реальномъ и индивидуальномъ смыслѣ, подобно тому какъ недѣлимъ всякій индивидуумъ: человѣкъ, земной шаръ, солнечная система ²⁶⁾. Болѣе того: все настойчивѣе и настойчивѣе пробивается еще и мысль не только объ индивидуальности первочастицъ, но и объ единственности, *неповторяемости* каждой изъ нихъ, какъ своеобразнаго *типа* во всей вселенной и во всей вѣчности. Единствененъ каждый человѣкъ, какъ единственна въ своемъ родѣ каждая сѣбяжинка, и также, вѣроятно, единственна и каждая „первочастица“, чѣмъ-бы она ни была ²⁷⁾.

Поскольку органическая природа состоитъ изъ тѣхъ или иныхъ сочетаній химическихъ элементовъ, постольку и къ ея „первочастицамъ“ относится все то, что характеризуется понятіями объ *индивидуальности* и *неповторяемости*. Но оказывается, что этого еще совершенно недостаточно даже для приблизительнаго объясненія явленій жизни и сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, оставаясь лишь на чисто-химической почвѣ тѣхъ процессовъ, которые обнаруживаются между частицами веществъ, входящихъ въ составъ *живого* тѣла.

²⁶⁾ См. Менделѣевъ, Основы химіи, изд. 7-е, стр. 157 и Гернетъ, Объ единствѣ вещества, стр. 28—29.

²⁷⁾ Карповъ, Дос. с., Вопр. фил. и псих., 1909, кн. IV (99), стр. 536—539.

можно обнаружить чрезвычайно странныя измѣненія, въ самой сущности химическихъ реакцій, какъ только онѣ, при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, возникаютъ въ живомъ организмѣ, въ присутствіи *уже* живого вещества. Такъ, напр., бѣлокъ, являющійся главной частью химическаго состава протоплазмы—этого общаго носителя жизни отъ амебы до мозговой массы человѣка—вступая въ организмъ, пріобрѣтаетъ настолько инныя свойства, что понадобилась даже, въ свое время, особая гипотеза о какихъ-то двухъ видахъ бѣлковъ: мертвомъ и живомъ, чѣмъ, конечно, ничто не объясняется, а лишь болѣе или менѣе удачно укладывается въ рамки привычныхъ химическихъ понятій.

Дѣйствительно, бѣлокъ, обладая, внѣ организма, довольно значительной химической стойкостью, въ организмѣ тотчасъ же пріобрѣтаетъ крайнюю, необычную неустойчивость. Наоборотъ нѣкоторыя органическія вещества (напр. лецитинъ) чрезвычайно легко распадающіяся внѣ организма, въ его нѣдрахъ получаютъ непоколебимую стойкость по отношенію къ самымъ энергичнымъ разрушителямъ—ферментамъ и кислороду ²⁸⁾. Если присоединить сюда еще совершенно необъяснимую, материалистически, не только высшую психическую дѣятельность, но даже простую раздражимость живого вещества, то совершенно понятнымъ является стремленіе какъ стараго, такъ новаго, возрожденнаго витализма отыскать ту первооснову, которая, въ области жизни, служитъ причиною всѣхъ специфически жизненныхъ отправленій, подобно тому, какъ такъ называемый міровой эфиръ является носителемъ явленій міра неорганизованной матеріи.

Такимъ образомъ въ биологін возникаетъ идея о нѣкой *направляющей* ²⁹⁾ и *сохраняющей* силѣ, наличность которой бьетъ въ глаза и служитъ единственной причиною того, что

²⁸⁾ См. А. Данилевскій, Живое вещество („Вѣстн. Евр.“ 1896, май, стр. 319—320).

²⁹⁾ Даже изъ среды механиковъ исходили попытки провести параллель между направляющей дѣятельностью души и силами, лишь мѣняющими направленіе движенія, безъ вліянія на его скорость и работу (См. Челпанова, Введеніе въ философію, 1907, стр. 178—179; Ср. его-же „Мозгъ и душа“ 1906, стр. 335).

слабая и неустойчивая протоплазма не только не разлагается могучими натисками вышших разрушителей, но напротив того, жизнь, имѣя свойство направлять подчиненные ей физико-химическіе процессы въ нужную ей сторону, способствуетъ прогрессу организма какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, неустанно ведя его отъ простой раздражимости клѣточки до высочайшихъ вершинъ чловѣческаго генія.

III.

Уже Аристотель, размышляя надъ сущностью матеріи, считалъ ее чистой потенціей, съ выдрешнымъ въ нее видообразующимъ или формообразующемъ принципомъ—энтелехіей, а въ области жизненныхъ явленій считалъ энтелехіей душу, какъ принципъ, осуществляющій и выявляющій заложенныя въ тѣлѣ возможности (*δυνάμεις*). У Лейбница къ понятію энтелехіи, въ организованной природѣ, всего ближе подходитъ центральная, „управляющая“ монада, въ ряду высшихъ монадъ живого тѣла ³⁰⁾. Старый витализмъ выдвигаетъ въ этой роли свою „жизненную силу“ и, наконецъ, возрожденный витализмъ новѣйшаго времени уже совершенно опредѣленно ищетъ вполне реальныхъ носителей „направляющей“ и формирующей силы организмовъ. Такимъ образомъ въ обиходѣ современной научной мысли появляются довольно многочисленныя жизненныя первоединицы, начиная отъ довольно туманной „энтелехіи“ Дриша и до матеріальнѣйшей „психоплазмы“ Геккеля, не обходящейся, впрочемъ, въ концѣ концовъ, безъ какой то еще придуманной симъ патріархомъ матеріализма, „клѣточной души“. Между этими полюсами укладываются всевозможныя „доминанты“ Рейнке, „біогены“ Ферворна, „біофоры“ Вейсмана, „пангены“ де Фриса, „біобласты“ Гертвига, „шикнатома“ Фохта, и пр. ³¹⁾.

Уже самая многочисленность и многоименность всѣхъ

³⁰⁾ См. *Кучо-Фишеръ*, Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе, пер. Почилова, 1905, стр. 451—453.

³¹⁾ Краткій, обзоръ почти всѣхъ современныхъ теорій жизни можно найти въ книгѣ Эд. ф. Гартмана: *Das Problem des Lebens*, 1906.

этихъ первоэлементовъ жизни наглядно показываетъ, что человѣческая мысль упорно вращается здѣсь все около той-же идеи, что мерцала, еще за тысячелѣтія, въ умахъ младенческой эпохи естествознанія, и вращается тѣмъ упорнѣе, чѣмъ больше вооружается современная біологія всѣми орудіями научной техники. Идея о существованіи нѣкихъ первоосновъ жизни, глубоко залегающихъ въ самыхъ нѣдрахъ организованной матеріи, приобретаетъ все большую и большую силу. При этомъ особенно знаменательно то, что всѣ эти первоосновы жизни получаютъ еще небывалую реалистичность, почти материализируются въ своеобразные „атомы“ жизни, и это мы слышимъ изъ устъ именно современнаго, вообще идеалистически настроеннаго естествознанія, казалось-бы, павсегда покончившаго съ еще столь недавнимъ, грубымъ материализмомъ ³²⁾.

Введеніе въ науку современными неовиталистами столь осязательно-материалистическихъ образовъ, не смотря на всѣ ухищренія придать имъ метафизическую окраску, не говорить-ли о томъ, что здѣсь залегаеъ нѣчто дѣйствительно, реально существующее, а потому материалистическое уже самымъ фактомъ своего бытія? И если непосредственное наблюденіе и опытъ, даже во всеоружіи современной науки, и не даютъ возможность идти, здѣсь, дальше лишь болѣе или менѣе обоснованныхъ гипотезъ, то во всякомъ случаѣ слишкомъ развитая, теперь, научная критика, давая мѣсто этимъ гипотезамъ, уже тѣмъ самымъ молчаливо признаетъ дѣйствительную возможность существованія, здѣсь, факта громадной теоретической и практической важности.

Вполнѣ понятно, что въ предѣлахъ статьи, предназначенной, вдобавокъ, не для естественно-научнаго, а для богословскаго журнала, невозможно обсуждать вопросъ о научной цѣнности неовиталистическихъ идей. Но зато сопоставленіе ихъ съ еще неясными образами, блуждавшими въ умахъ далекой, апологетической эпохи, можетъ быть задачей благодарной и, думается, не лишней интереса для современной естественно-научной апологетики.

³²⁾ См. *H. Driesch*, *Philosophie des Organischen*, 1909; *K. C. Schneider*, *Versuch einer Begründung der Deszendenztheorie*, 1908, *kap. II: Reinke*. *Die Welt als Tat*, 1905.

Поэтому, не вдаваясь въ недоступныя намъ, пока, подробности, просто признаемъ тотъ фактъ, что современная біологія считаетъ возможнымъ существованіе „первочастицъ“ жизни, а затѣмъ позволимъ себѣ высказать предположеніе, что *именно эти-то первочастицы и суть то, на матеріальную форму чего самый процессъ жизни, какъ проявленіе активности безсмертной души, накладываетъ ту печать (сфрагиду), которая предносилась умственному взору св. Григорія Нисскаго.*

Но высказать такое предположеніе, хотя-бы и напрашивающееся само собою, не попытавшись, затѣмъ, освѣтить его со стороны его реальнаго, дѣйствительнаго осуществленія, было-бы равносильно простому фантазированію, тѣмъ болѣе, что современная наука, въ своихъ воззрѣніяхъ на сущность матеріи даетъ довольно опредѣленный ключъ если не къ разгадкѣ того, что въ области вѣры постигается непосредственной интуиціей мистическаго созерцанія, то, по крайней мѣрѣ, къ согласованію очень многихъ актовъ религіозной жизни, и даже догматическаго ученія, именно христіанской религіи, съ запросами жаждущаго знанія разума. Обо всѣмъ этомъ я могу сказать теперь лишь вскользь, ограничившись только сводомъ наиболее осязательныхъ основоположеній высказанной выше гипотезы.

IV.

Все то, къ изложенію чего я, теперь приступаю, конечно можетъ претендовать не больше, какъ на скромную роль одной изъ попытокъ пролить лучъ хотя-бы лишь приблизительной понятности туда, гдѣ *многое* ясно для искренно вѣрующаго, и *все* темно и загадочно для колеблющагося и сомнѣвающагося. И если мнѣ удастся обратить сюда мысль именно такихъ, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе многочисленныхъ умовъ, заставить ихъ задуматься надъ однимъ изъ наиболее трудно усвояемыхъ догматовъ вѣры и приложить къ нему столь привычный для нихъ масштабъ научнаго изслѣдованія,—то я буду считать свою задачу исполненной. Быть можетъ столь знакомый наукѣ путь обоснованія вновь возникающей „рабочей гипотезы“ подведетъ ихъ ближе къ тому, что воспринимается вѣрой, чрезъ Божественное Откровеніе.

Что-же такое, прежде всего, представляет собою современная „первоначица жизни? Въ наиболѣе полномъ смыслѣ опредѣляетъ свою „энтелехію“ Дрингъ, считая ее за элементарный агентъ природы, *познаваемый лишь въ соединеніи съ матеріальнымъ*, пользующійся факторами внѣшняго міра, чтобы производить и поддерживать то, что требуется актами присущей ему воли и первичнаго знанія, не основанныхъ на опытѣ. Ко всему этому, впрочемъ, добавляется еще и любопытное предположеніе о томъ, что „энтелехія“ можетъ ограничиваться факторами внѣшняго міра и даже „можетъ болѣть и умреть“, что сразу же сообщаетъ ей необычайную матеріалистичность, плохо вяжущуюся съ дальнѣйшимъ утвержденіемъ, что не смотря на все это, „энтелехію“ представить себѣ какимъ-либо образомъ нельзя, и вопросъ о мѣстѣ ея нахождения—праздный. ³³⁾

Если оставить въ сторонѣ вполнѣ справедливое, впрочемъ, утверженіе о томъ, что въ такого рода вопросахъ вообще многое представить себѣ ясно и наглядно нельзя, то все остальные свойства „энтелехіи“ ставятъ ее въ очень близкое родство съ одной стороны съ „кѣтъочной душой“ Геккеля, а съ другой—съ чѣмъ-то столь матеріальнымъ, что не исключается даже возможность болѣзни и смерти, т. е. съ вполнѣ организованнымъ живымъ существомъ. Но совершенно понятно, что столь грубо-матеріалистическое представленіе „первоначицы“ жизни было-бы черезчуръ рискованнымъ, хотя-бы даже съ привлеченіемъ на помощь и какой-нибудь добавочной гипотезы, вродѣ предлагавшагося, въ свое время, проф. А. Данилевскимъ „біогеннаго ээира“ ³⁴⁾. А потому и самъ Дрингъ, а за нимъ и цѣлый рядъ другихъ неовиталистовъ (І. Рейнке, Шнейдеръ, и др.), находятъ достаточнымъ лишь просто установить самый фактъ существованія нѣкоей жизненной первоосновы, считая все свои „энтелехіи“, „доминанты“, „біогены“ и пр. за простые символы, покрывающіе то, наличиемъ чего считается логически необходимой на основаніи тщательныхъ наблюденій и философскихъ размышленій падъ явленіями жизни. На

³³⁾ Vitalismus, S. 242 и дал.; *Карповъ* Виталчамъ и задачи научн. биологій (Вопр. фил. и псих. 1909, кн. III, (98), стр. 361—362).

³⁴⁾ Живое вещество (В. Евр. 1896, май, стр. 333).

этомъ остановимся и мы, такъ какъ для нашей цѣли нѣтъ надобности, да и невозможно, входить въ детальное обсужденіе того, что такое „жизненная первочастица“. Этого исходный агентъ жизни. Достаточно, если мы признаемъ, что онъ есть, а признать это насъ заставляютъ многіе выводы современной, не ослѣпленной матеріализмомъ біологіи.

Разсматривая живой организмъ, въ его цѣломъ, легко обнаружить, что пока въ немъ продолжается жизнь, черезъ него какъ-бы непрестанно идетъ потокъ энергій, носителями которыхъ служатъ входящія въ составъ тѣла, химическія вещества. Большинство происходящихъ при этомъ, физико-химическихъ процессовъ подчиняется общему закону превращенія энергіи, сопровождаясь неизбѣжнымъ разбѣніемъ, обезцѣиваніемъ значительной ея части, превращеніемъ ея въ нецѣлительную форму, или, выражаясь механически, всѣ эти процессы стремятся отъ неустойчивости движенія къ устойчивости покоя. Въ наукѣ принято называть такіе процессы *энтропическими*.

Сообразно этому, напр. организмъ человѣка, пропуская черезъ себя потокъ энергій, потребляетъ для надобностей своего существованія не больше 20% всего ихъ количества тогда какъ 80% исчезаютъ энтропически. Это есть такъ называемая *проходящая* энергія, за счетъ которой организмъ совершаетъ „работу“ своего существованія, поддерживаетъ себя *in statu quo*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторая часть ея (около 4%) остается въ организмѣ и употребляется для физическаго и психическаго прогресса нашего существа. И именно эта, *остающаяся* энергія связана съ физической основой организма—его бѣлкомъ ³⁵⁾.

Вотъ здѣсь-то, въ нѣдрахъ загадочнѣйшаго изъ химическихъ соединеній, для хотя-бы лишь приблизительнаго пониманія структуры и функцій котораго химинъ пришлось предположить число атомовъ его частицы доходящимъ до 5—6 тысячъ, и происходятъ таинственные процессы претворенія мертваго въ живое. Здѣсь кореннымъ образомъ мѣняются основныя особенности химическихъ реакцій, мѣняются настолько, что вмѣсто энтропическаго процесса возни-

³⁵⁾ Карповъ, Витализмъ и задачи научн. біологіи (Вопр. ф. и псих. 1909, кн. IV (99), стр. 561).

каетъ уже, наоборотъ, превращеніе энергіи въ наиболѣе цѣбныя формы и свойства *развивающагося* организма, передающаго, затѣмъ, путемъ наслѣдственности, свои нормально повышенныя, внутреннія и внѣшнія цѣбности потомкамъ. Именно отсюда-то и вытекаетъ столь отчетливый законъ всеобщей органической эволюціи.

Жизненный процессъ, дѣлая энергію болѣе цѣбной вплоть до высочайшихъ проявленій воздѣйствующаго даже на самый міръ, человѣческаго гения, какъ-бы нейтрализуетъ мрачный законъ энтропіи, влекущій все неживое къ покою небытія. А если это такъ, то самая жизнь получаетъ значеніе залога безсмертія и притомъ, быть можетъ, и не въ одномъ только отвлеченномъ смыслѣ безграничной коллективной эволюціи.

Въ свое время еще Гельмгольцъ, а затѣмъ Герцъ, высказали предположеніе, что область живого, одухотвореннаго вѣроятно не подчиняется величайшему изъ законовъ неорганизованнаго міра—закону эквивалентнаго превращенія энергіи. Въ послѣднее время эту мысль развиваетъ Ауэрбахъ³⁶⁾, приходя къ твердо выраженному убѣжденію, что жизнь—это организація, которую создать міръ (мы-же скажемъ—Богъ) для борьбы противъ обезцѣбненія энергіи (стр. 48). Признавая-же, на основаніи современныхъ взглядовъ на строеніе вещества, и самую матерію однимъ изъ видовъ энергіи (стр. 15), уже легко заключить, что именно жизнь и предназначена для увеличенія цѣбности, улучшенія, просвѣтленія, преображенія космического субстрата всего сущаго³⁷⁾.

Развивая свою идею, Ауэрбахъ приходитъ къ выводу, что такъ какъ органическая жизнь проявляется на совершенно своеобразной почвѣ самыхъ сложныхъ и тонкихъ физико-

³⁶⁾ Ф. Ауэрбахъ, Эктропизмъ или физическая теорія жизни, 1911, перев. Бикермана.

³⁷⁾ Невольно вспоминаются своеобразныя идеи Шеллинга о „просвѣтленіи“ темнаго, пассивнаго міроваго начала (См. *Кумо-Фишеръ*, Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе, стр. 1905, перев. Лоссаго, стр. 686—689). Уже не присутствуемъ-ли мы, теперь, при первыхъ, едва-лишь дошедшихъ до поля нашего изошреннаго, научнаго зрѣнія преблескахъ такого „просвѣтленія“, утонченія матеріи въ современныхъ, таинственныхъ радіаціяхъ?

химическихъ конструкцій вещества, го нельзя не признати какъ-бы нѣкоторой *печати* (стр. 76 и 38), налагаемой на самую матерію тѣмъ невѣдомымъ намъ, но ясно проявляющимся въ органическихъ процессахъ факторомъ, что ведетъ ее по пути прогресса. Но въ чемъ-же состоитъ этотъ прогрессъ матеріи? По воззрѣніямъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ ученыхъ, эволюція матеріи есть переходъ ея въ болѣе тонкую форму, пріобрѣтеніе ею новыхъ свойствъ, повидимому именно и основанныхъ на болѣе тонкомъ, болѣе простомъ ея строеніи, будь-то „разсѣяніе матеріи“ Лебона, или „четвертое“ ея состояніе, предполагаемое Круксомъ.

Было-бы, конечно странно и, вдобавокъ, совершенно глупо-словно, если-бы мы стали утверждать что именно *такая* „эволюція“ матеріи связана съ повышающимся цѣнностью энергіи (электроническимъ) эффектомъ органической жизни. Но тѣмъ не менѣе невольно возникаетъ мысль, что быть можетъ и самый потокъ непрестанно идущей черезъ организмы энергіи (проходящая энергія) не остается вполне тѣмъ же что и до входа въ организмъ, а что быть можетъ и здѣсь жизнь наслаждается на энергетическій субстратъ нѣкую печать просвѣтленія и тѣмъ болѣе интенсивную, чѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе наложившая ее жизнь. (Не на это-ли намекаетъ радиоактивность выдыхаемаго воздуха, открытая (юфуромъ?) Это, конечно, не болѣе какъ полудуфантастическая погядка, но мало-ли и еще болѣе фантастическихъ предположеній высказывалось въ наукѣ, и тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ съ теченіемъ времени получили совершенно неожиданное подтвержденіе, не говоря уже о самыхъ чудесныхъ неожиданностяхъ, на которыя, кажется, привыкаетъ все чаще и чаще наткаться современная наука.

Пропуская черезъ себя, и отчасти въ себя вбирая, цѣлыми рядъ самыхъ разнообразныхъ видовъ энергіи, организмъ принужденъ, попутно съ этимъ, неустанно бороться съ многочисленными разрушителями его созидательной работы. Въ ряду такихъ разрушителей, какъ это не страшно, долженъ быть поставленъ на первое мѣсто всеоживляющій, но и всеожигающій кислородъ, а затѣмъ идутъ разлагающіе факторы въ видѣ всевозможныхъ ферментовъ и токсиновъ. Гдѣ-же источникъ сопротивляющейся ихъ дѣйствію, сохраняющей организмъ энергіи? Въль нельзя-же признати что вся громадная

энергія самосохраненія пронестается все изъ того-же, по существу слабого запаса энергіи названной памп, выпсе, „остающейся“. Не даромъ-же, кромѣ того и современные неовидалисты для объясненія, между прочимъ, именно способности органической жизни къ самосохраненію предлагают свои жизненные „первоначицы“. Такъ не здѣсь-ли, коли такъ, и кроется запасъ тѣхъ добавочныхъ энергіи, эффектомъ которыхъ и являются столь характерно присутія жизни „направляющія“ и „сохраняющія“ силы?

Современная наука признаетъ источникомъ изучаемыхъ ею энергіи или ихъ первичныхъ, изначально присутія міру формы, или распадъ частицъ матеріи, или-же, наконецъ, по самымъ повѣйшимъ теоріямъ, сводитъ все къ игрѣ электрическихъ зарядовъ („электрическихъ атомовъ“ Дж. Томсона, Лармора и Лоренца), что, впрочемъ, не давая рѣшенія задачи по существу, просто лишь ставитъ въ основу всего хотя бы и единую, но совершенно невѣдомую по своей природѣ, электрическую энергію. Другими словами, опять все дѣло сводится къ давно признанному положенію о томъ, что, выражаясь словами Ауэрбаха, „міровой механизмъ былъ заведенъ о шажды“, и лишь непреодолимое отвращеніе науки къ религіозному характеру выраженій заставляющъ ее, признавъ фактъ „заводки механизма“, оставить открытымъ, по обычаю, вопросъ о Заведшемъ. А если такъ, если первоисточникъ невѣдомъ и для науки, въ чемъ она уже, кажется, теперь чистосердечно признается, стремясь лишь это свое невѣдѣніе возвести въ принципъ (эмпириокритицизмъ), то не дастъ ли это права и намъ, воспользовавшись ея-же оружіемъ „рабочихъ гипотезъ“, приложить его къ вопросу о томъ *какъ*, какимъ путемъ промыслъ Божій совершаетъ таинственный актъ преображенія плоти? Пусть это будетъ слабая попытка проникнуть въ мысль Творца пытайвой мыслью того разума, который Онъ-же вложилъ въ насъ какъ искру Своего всевѣдѣнія!

V

Предположимъ, — а здѣсь только и возможны робкія предположенія, — что нематеріальныя „первоначицы жизни“ (*πρωτότης* св. Григорія Нисскаго) каждого человѣка зада-

гаются въ него въ моментъ перваго проблеска бытія актомъ зачатія, и притомъ сразу-же въ томъ количествѣ, или, вѣрнѣе, въ той потенціи, которая обуславливается наслѣдственностью и скрыто (*κατὰ λεληθός*) заключаетъ въ себѣ весь комплексъ формъ (*εἶδη*) или возможностей (*δυναμεις*) способныхъ развиться, впоследствии въ данный, ограниченный въ пространствѣ, времени и своихъ индивидуальныхъ свойствахъ организмъ.

Воссоединеніе (*σύντασις*) „первоначицъ“ между собой и съ мыслящимъ началомъ души (*τὸ λογικὸν τῆς ψυχῆς*) даетъ имъ матеріальное бытіе, *воплощаетъ* ихъ, открываетъ имъ возможность къ развитію ихъ потенцій и, въ то-же время запечатлѣваетъ ихъ навсегда единственнымъ и неразрушимымъ *типомъ* (*ὁ τύπος τοῦ εἶδους* св. Григорія), заложеннымъ въ душѣ творческимъ актомъ Бога. Такимъ образомъ каждая изъ уже воплощенныхъ (одухотворенныхъ) „первоначицъ“, или, другими словами „энтелехій“, „біогенъ“, „домонантъ“ и т. п. современнаго неовитализма получаетъ разъ навсегда присущую ей *индивидуальную недѣлимость и неповторяемость*, абсолютно единственную и вѣчную.

Такое предположеніе не только допустимо, но даже легко представимо при помощи тѣхъ образовъ, которые столь знакомы современной мысли изъ теорій строенія вещества. Въ самомъ дѣлѣ, если даже химическія частицы бѣлка и вообще углеродистыхъ соединений предполагаются состоящими изъ сотенъ и тысячъ атомовъ, да еще, вдобавокъ, образующихъ пространственныя, геометрическія группы, какъ учить стереохимія, то не трудно сообразить, что число возможныхъ сочетаній и группировокъ даже химическихъ атомовъ не поддается никакому учету ³⁸⁾. Это и подтверждается тѣмъ, что современная лабораторная практика углеродистыхъ веществъ вноситъ чуть не ежедневно въ науку все новыя соединенія, свойства которыхъ единственно и исключительно обуславливаются той или иной индивидуальной комбинаціей

³⁸⁾ Напомню, что напр., уже въ учебникахъ элементарной алгебры, въ прежнее время, любилъ приводить примѣръ, что изъ 10 буквъ слова „математика“ можно составить ни болѣе, ни менѣе какъ 151200 перемѣщеній! Сколько же перемѣщеній допускаетъ, положимъ частица бѣлка, состоящая, по мнѣнію современной химіи, изъ 5—6 тысячъ „атомовъ“?

все однихъ и тѣхъ-же углеродныхъ частицъ³⁹⁾. Сюда нужно добавить еще и слѣдующее: еще немного лѣтъ назадъ представленіе мельчайшей матеріальной частицы — атома — въ видѣ планеты, а совокупности атомовъ — молекулы — въ видѣ планетной системы, встрѣчалось лишь въ причудливыхъ писаніяхъ спиритовъ, а у всякаго „серьезнаго“ ученаго вызывало лишь улыбку. Но колесо времени повернулось, и теперь уже такіе образы не только получили мѣсто въ наукѣ, но даже сдѣлались одной изъ научно-популярныхъ схемъ⁴⁰⁾. Такъ что если къ громадности численныхъ и пространственныхъ сочетаній первочастицъ матеріи прибавить еще и прямо безграничную возможность иныхъ, если можно такъ выразится „астрономическихъ“ комбинацій, то становится вполне яснымъ, что на всю вселенную съ избыткомъ хватитъ индивидуально-обособленныхъ частицъ, сходныхъ между собою лишь въ группахъ родового порядка, подобно тому, какъ сходны между собою люди.

Все это, конечно, образы, лишь приблизительно и схематически рисующіе возможную сущность того, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе, что и самыя „первочастицы“ лежатъ, конечно, далеко за полемъ непосредственнаго наблюденія и опыта, не охватывающаго, впрочемъ, даже не только „первочастицъ“ (положимъ электроновъ) неодоушевленной матеріи, но даже сравнительно „гигантскихъ“ молекулъ матеріи, органической (напр. бѣлка).

Тѣсная связь, взаимное проникновеніе (*ανάκρασις* св. Григорія Нисскаго) между душой и матеріализированными „первочастицами жизни“ (*ποιότητες*), какъ мы видѣли и есть, по мнѣнію св. Григорія, условіе того процесса „сфрагидаци“, благодаря которому, основной, индивидуальный типъ (*είδος*) отпечатлѣвается на тѣлѣ и на душѣ, получающихъ навѣки ту взаимную связь, которую св. Григорій такъ удачно сравниваетъ съ печатью и ея отискомъ.

Поэтому-то, быть можетъ и будетъ позволительно назвать

³⁹⁾ Такъ уже въ навѣстномъ словарѣ Рихтера ихъ насчитывается до 200 тысячъ, и число это непрестанно растетъ.

⁴⁰⁾ Напр. стоитъ лишь сопоставить „спиритическую“ книжку *Gibier: Analyse des choses*, изданную въ 1891 году, съ уже указаннымъ мною выше сочиненіемъ Фурье Дальба 1911 года, чтобы оцѣнить гигантскій, сдѣланный съ того времени шагъ въ представленіи о частицахъ матеріи.

„первоначальности“ жизни, уже вполне материализовавшихся, благодаря ихъ совокупностямъ (*αι προς αλλα συνδρομαι*) и запечатлѣнные вѣчнымъ и неизгладимымъ, индивидуальнымъ типомъ, *сфрагидами*, согласно счастливому сравнению св. Григорія ⁴¹⁾. А отсюда уже вполне логично вытекаетъ, что именно этимъ, запечатлѣннымъ перво-элементамъ своей природы, каждый человекъ обязанъ своимъ *единицмъ во мѣртъ и вѣчности*, индивидуальнымъ, физическимъ и духовнымъ обликомъ, ясно, просвѣчивающимъ какъ чрезъ нѣжную оболочку ребенка, такъ и черезъ огрубѣлую, отживающую старость.

Отдѣваясь плотью, этими „кожаными ризами“ Св. Писанія, при прогрессивно развивающейся жизни, въ потокъ, „проходящихъ“ энергій, сфрагиды, пользуясь небольшимъ количествомъ энергій „остающейся“, развиваютъ свой типъ въ прогрессирующей физической и психической жизни человека до предѣловъ, исчерпывающихъ все количество заложенныхъ въ нихъ потенцій, чѣмъ и обуславливается большее или меньшее физическое и духовное совершенство каждаго даннаго индивидуума. Отсюда-же, изъ этой совокупности сфрагидъ исходитъ и та сила, которая *направляетъ* жизненные процессы и *сохраняетъ* жизненную индивидуальность отъ разрушенія энтропическими факторами внешней природы, давая возможность каждому индивидууму совершить отмѣренный ему путь отъ полусознанія ребенка до полного расцвѣта физическихъ и духовныхъ силъ.

Согласно общему закону міра, вѣроятно и здѣсь затрата энергій не дается даромъ, и можно предположить, что на жизненномъ пути человека сфрагиды, развивая творящую и сохраняющую энергію, теряютъ, въ большей или меньшей

⁴¹⁾ Замѣчу, кстати, что идеи, напоминающія излагаемыя мною здѣсь, можно рассмотреть, черезъ прямо чудовищную сумбурность мысли и слога, у одного изъ любопытнѣйшихъ мыслителей недавняго прошлаго— Н. Ѳ. Федорова. См. книгу его „Философія общаго дѣла“, 1907, изд. В. А. Кожевникова, стр. 329—330, гдѣ встрѣчается даже употребляемое, мною здѣсь, слово „сфрагида“ въ смыслѣ очень близкомъ къ гипотезѣ св. Григорія Нисскаго и къ тому, что говорится въ моей статьѣ. Вообще очень жаль, что чтеніе указанной книги Федорова представляетъ огромный трудъ, тогда какъ въ ней разсѣяно очень много интереснѣйшихъ мыслей.

мѣрь, свои потенціи, а быть можетъ до известной степени и разрушаются, разсѣиваются, или, вѣрнѣе, утопчаются, становясь все менѣе способными проявлять свое дѣйствіе въ условіяхъ теперешней, грубо матеріальной среды. Но если и самая матерія неорганизованнаго міра эволюционируетъ такъ или иначе по пути къ своему утопченію и совершенству, то можно предположить, что то-же происходитъ и въ своеобразно-матеріальномъ субстратѣ жизни. И тогда понятными становятся и развитіе человѣческаго организма и старость его, и смерть, и воскресеніе...

Наконецъ, предъ лицомъ той тайны бытія, въ которую мы пытаемся проникнуть, не можемъ-ли мы благоговѣйно признать, что если въ „первочастницахъ“ (*ποιότητες*) организованнаго міра усматривается какъ-бы привходящая сила Божественнаго Слова, то въ матеріализированныхъ сфрагидахъ человѣка не видимъ-ли мы прообраза великой тайны Его воплощенія?

На этомъ я закончу все то, что мнѣ хотѣлось высказать относительно основной идеи, навѣянной антропологическими взглядами св. Григорія Нисскаго, и позволю себѣ лишь, въ заключеніе, намѣтить рядъ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ высказанныхъ предположеній.

Такъ, прежде всего является вопросъ о связи „сфрагиды“ съ идеею всеобщаго воскресенія плоти—этимъ кореннымъ фактомъ, имѣющимъ центральное значеніе въ рассматриваемой нами области; и лишь предѣлы статьи приуждаютъ меня ограничиться только подготовкой и общими чертами его возможнаго освѣщенія.

„Признавая „первочастницы“, а за ними и сфрагиды, носительницами индивидуальнаго и вѣчнаго *типа* (*εἶδος*) каждаго изъ насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, считая „первичныя частицы жизни“ (*ποιότητες*), какъ сущности нематеріальныя, а лишь матеріализирующіяся, вѣчными и неразрушимыми въ такой-же мѣрь, какъ считаетъ вѣчными свои „первочастницы“ наука, вполне логично будетъ заключить, что разъединяясь съ душой при смерти, они пробудутъ до тѣхъ поръ, пока новыя, просвѣтленныя условія міра не дадутъ возможности для вторичнаго ихъ сліянія, для вторичнаго, преображеннаго воплощенія, воскресенія на „новой землѣ“ и подъ „новыми

небесами“. Но получивъ на вѣки отпечатокъ нѣкогда оживлявшей ихъ души, они воссоздадутъ свой *типъ* и при вторичномъ воплощеніи, при вторичномъ одушевленіи въ воскресеніи плоти. Этимъ исключается возможность какихъ-либо разсужденій, столь излюбленныхъ древностью, о свойствахъ, видѣ и даже возрастѣ воскресшихъ тѣлъ. Типъ, какъ нѣчто присущее каждому при всѣхъ жизненныхъ метаморфозахъ, облеченный плотью, тѣлѣнкой теперь, и нетѣлѣнкой тогда, возстанетъ *такимъ-же* въ блаженствѣ и страданіи.

Уменьшеніе и частичное исчезновеніе потенцій сфрагидъ вызываемое необходимостью бороться съ натискомъ физическихъ факторовъ, бросаетъ новый свѣтъ и еще на многое неясное въ человѣческой природѣ. Такъ, напр. едва-ли надо говорить о разрушительномъ дѣйствіи, даже на тѣлесную организацію, душевныхъ аффектовъ гнѣва, скорби, страха и нѣкоторыхъ другихъ нервно-психическихъ агентовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легко подмѣтить, что и христіанство, въ своемъ отношеніи къ нашей теперешней плоти какъ разъ и борется именно со всѣмъ этимъ, какъ съ влекущимъ къ гибели, и притомъ не только здѣсь, но и тамъ, гдѣ для созданія поваго, нетѣлѣннаго тѣла понадобится всеоружіе хотя-бы и ослабленныхъ жизнью, но достаточныхъ для новой, нетѣлѣнной матеріи, сфрагидальныхъ потенцій.

Не даромъ-же христіанство съ своимъ завѣтами любви убѣждаетъ насъ и въ себѣ противиться разрушительному дѣйствію грѣховныхъ аффектовъ, и ближнимъ своимъ не вредить, вызывая въ ихъ душахъ *физически* разрушительныя чувства. И не говоритъ-ли оно намъ тѣмъ самымъ, что каждая уступка здѣшней, тѣлѣнной плоти съѣдаетъ часть нашего грядущаго нетѣлѣнія? Любовь, и именно любовь христіанская, любовь какъ не случайное проявленіе легко проходящаго чувства, а какъ постоянное, длащееся *настроеніе*—вотъ залогъ сохраненія сфрагидъ въ достаточной силѣ, безъ разсѣянія ихъ драгоценной энергіи на вознагражденіе не однихъ только потерь самосохраненія, но и на борьбу съ разрушительной силой противоположныхъ любви аффектовъ. Наконецъ аскетическія тенденціи христіанства, столь порицаемыя въ настоящее время, тоже не призываютъ-ли насъ къ недостижаемому идеалу подвижническаго *безстрастія*, доводящаго аффектыя потери сфрагидъ до минимума?

Много и иныхъ вопросовъ можно разсмотрѣть съ той-же точки зрѣнія, начиная хотя-бы со столь подчеркнутой Христомъ, святости полнаго еще „печатыми сфрагидами“, дѣтскаго возраста, и вплоть до великой тайны воспріятыя пресуществленной плоти Христа въ таинствѣ св. Причащенія.

Реалистическіе взгляды древняго христіанскаго Востока на дѣло нашего спасенія не только въ духѣ, какъ этому учитъ схоластическій Западъ, но и во плоти, живой и осязательной, быть можетъ могли-бы получить, здѣсь тоже новое, неожиданное и плодотворное возрожденіе.

Затронутая мною по необходимости лишь отрывочно и не совершенно тема весьма обширна и требуетъ, конечно, много труда для своей разработки, но наградою для того, кто захотѣлъ-бы надъ нею задуматься, будетъ возможность хотя-бы лишь слабого, но захватывающаго прозрѣнія туда, гдѣ „*est* *scōmōs*“ Господь, по великому Своему произволенію, готовитъ намъ новую, нетлѣнную жизнь

П. Страховъ.

14 декабря 1911 г.
